ВОЛЫНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

21 Ноября № 33 1883 года.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Народное искусство и сельская школа (1).

I.

Съ нѣкотораго времени, наши газеты и журналы повидимому сильно озабочены вопросомъ о народномъ искусствѣ, объ удовлетвореніи эстетическихъ потребностей полуграмотной и безграмотной массы, имѣющей столь громадный численный перевѣсъ надъ нашимъ полуобразованнымъ и образованнымъ обществомъ.

Въ добрый часъ! Эти заботы своевременны. Но, къ сожалѣнію, онѣ начинаются не съ того конца. Сводятся онѣ почти исключительно къ толкамъ о необходимости народнаго театра—театра по цѣнамъ и репертуару доступнаго всѣмъ и каждому.

Значеніе театра громадно. Драматическое искусство —цвѣтъ человѣческаго искусства, отрѣшеннаго отъ цѣлей практическихъ. Въ эпохи великаго творчества, въ эпохи Софокловъ и Шекспировъ, Мольеровъ и Шиллеровъ, оно составляетъ могучій элементъ нравственнаго

(1) Извлечено изъ брошюры: *«Замѣтки о сельскихъ школахъ»*. С. Рачинскаго.

*

и умственнаго воспитанія, даетъ обильную, здоровую пищу всенароднымъ художественнымъ потребностямъ.

Но таково ли наше время? Таково ли наше русское драматическое искусство? Увы! у насъ, какъ и въ другихъ образованныхъ странахъ міра, есть прекрасные актеры. Но не эстетическихъ наслажденій, не высшаго нравственнаго удовлетворенія ищетъ толпа въ современномъ театрѣ, а нервныхъ раздраженій и пошлой забавы. Типическія явленія этого театра—Сара Бернаръ, два раза въ день умирающая на сценѣ въ конвульсіяхъ, заученныхъ въ госпиталяхъ, и грязноватая оперетка Оффенбаховскаго стиля.

За неимѣніемъ геніальныхъ драматурговъ, театръ есть рабъ полуобразованной толпы. Театръ, ставящій себѣ задачею воспроизводить великія творенія всѣхъ временъ и народовъ, обреченъ на денежные убытки, ибо требуетъ первоклассныхъ силъ и привлекаетъ лишь избранную публику. Такіе театры существуютъ въ столицахъ образованнаго міра. Таковыми должны бы быть и наши Императорскіе театры. Такіе театры, пожалуй, можно назвать народными въ томъ отношеніи, что высочайшія произведенія драматическаго искусства, при образцовомъ исполненіи, становятся доступными всѣмъ и каждому. Ничто при этомъ условіи не можетъ быть популярнѣе «Гамлета» и «Скупаго», «Донъ-Жуана» и «Жизни за Царя». Но совершенство—дорого и рѣдко. Такія высокохудожественныя учрежденія, какъ парижская «Comédie Francaise» и нѣкоторыя германскія «Hofbühnen» остаются безъ всякаго непосредственнаго вліянія на массы. Ничего подобнаго Россія не имѣетъ и долго имѣть не будетъ по крайней малочисленности нашего истинно образованнаго общества, и если бы имѣлись такіе театры въ Москвѣ и Петербургѣ, мечтать о значеніи ихъ для всего Русскаго народа было бы просто смѣшно. Что же касается до того театра, который удовлетворяетъ эстетическимъ вкусамъ нашей столичной интеллигенціи, который, въ формѣ прянныхъ шансоне-

токъ и пошлыхъ комическихъ разсказовъ, простираетъ свое вліяніе далеко за предѣлы правильной сцены, то да избавитъ Богъ нашъ народъ отъ всякаго съ нимъ соприкосновенія!

Нѣтъ, не въ сферѣ отрѣшеннаго искусства нужно искать удовлетворенія эстетическихъ потребностей народа, а въ сферѣ его практическихъ нуждъ, въ сферѣ его обыденной жизни.

Русскій народъ—народъ глубоко вѣрующій, и первая изъ его практическихъ потребностей, наряду съ удовлетвореніемъ нуждъ тѣлесныхъ, есть общеніе съ Божествомъ. Эта потребность, источникъ и условіе всякаго человѣческаго искусства, прежде всего должна быть удовлетворена, и можетъ быть удовлетворена лишь при помощи искусства. Не театръ ему нуженъ, а церковь, достойная своего высокаго назначенія, а школа, раскрывающая передъ нимъ сокровища церкви.

Глохнутъ и гаснутъ въ народѣ народная пѣсня, народная сказка, эти живучіе отголоски иной вѣры, иного міросозерцанія. Уже нужны чуткій слухъ художника, зоркій трудъ ученаго, чтобы уловить и спасти отъ забвенія ихъ драгоцѣнные обломки. Среди тягостнаго однообразія сѣрой, трудовой жизни, среди лжи и пошлости, вѣющей отъ полуобразованнаго слоя сельскаго населенія, гдѣ просвѣтъ для души нашего крестьянина, гдѣ отзывъ на тѣ стремленія, которыя лежатъ на днѣ этой души, составляютъ существеннѣйшую ея суть? Въ церковномъ праздникѣ, приносящемъ ему полуискаженный отголосокъ дивнаго древняго напѣва; въ баскословномъ, но согрѣтомъ вѣрою, разсказѣ темнаго странника; въ долго откладываемомъ, наконецъ удавшемся походѣ въ дальній монастырь, гдѣ его молитва обрѣтаетъ достойные ея звуки, укрѣпляющую ее обстановку, гдѣ онъ видитъ, увы! лишь призракъ истинно христіанской жизни, и еще—все чаще и чаще нынѣ—въ долгихъ чтеніяхъ, при свѣтѣ лучины, въ безконечные зимніе вечера—Священнаго Писанія или житій святыхъ..

И если въ настоящее время, въ минуту пробужденія въ нашемъ народѣ сознательнаго христіанства, соперникомъ церкви является кабакъ; если пьяный разгулъ слишкомъ часто заглушаетъ въ немъ всякое движеніе духа; если въ этой борьбѣ не произойдетъ скорый, рѣшительный поворотъ,—то вѣчный позоръ всѣмъ намъ, людямъ досуга и достатка, мысли и знанія, печатнаго слова и правительственной власти! Позоръ и проклятіе нашему мертвому образованію, нашей праздной болтовнѣ, нашей духовной пустотѣ и безсилію!

Совершенно правы поборники народнаго театра, усматривая связь между народнымъ пьянствомъ и отсутствіемъ у народа духовной пищи, умственной и художественной. Но странно искать врачеваніе для болѣзней воли въ пассивномъ воспріятіи возбуждающихъ впечатлѣній. Всякое *дѣйствительно* общедоступное зрѣлище, искусственно устроенное, роковымъ образомъ сводится къ типу византійскихъ ристалищъ, испанскаго боя быковъ—или парижскаго café-chantant (1). Къ такимъ возбужденіямъ пріучать массы легко, но далеко не желательно, и противодѣйствовать пьянству они не могутъ. Помочь тутъ можетъ не это опасное палліативное средство, а развѣ, въ числѣ другихъ условій, скромная, но постоянная и благоговѣйная *дѣятельность*, умственная и художественная.

Такой дѣятельности открываетъ широкій просторъ наша церковь для всякаго человѣка, получившаго дѣйствительное, а не мнимое элементарное образованіе, возможное въ русской сельской школѣ. Эта дѣятельность заключается въ церковномъ чтеніи и пѣніи.

Церковное чтеніе есть искусство, имѣющее свои преданія, свои неписанные законы, искусство, требующее и природнаго таланта, и многолѣтняго упражненія, искусство, которое можетъ быть доведено до высокой степени совершенства, самое популярное изъ искусствъ.

(1) Естественный дѣйствительно народный театръ можетъ возникнуть лишь властію генія изъ элементовъ народныхъ.

Руководители въ этомъ искусствѣ разсѣяны повсюду, въ лицѣ хорошихъ сельскихъ священниковъ и причетниковъ, въ лицѣ благочестивыхъ любителей; оно процвѣтаетъ въ нашихъ монастыряхъ, въ извѣстныхъ городахъ и епархіяхъ. Образовательное вліяніе его громадно. Хорошее церковное чтеніе предполагаетъ полное пониманіе читаемаго, т. е. съ формальной стороны усвоеніе цѣлой системы сложныхъ и смѣлыхъ конструкцій, съ внутренней—цѣлаго міра высокой поэзіи и глубокаго богословскаго мышленія. Вспомнимъ громадное содержаніе хотя бы однихъ паремій, апостоловъ и каноновъ Страстной седмицы. Обращаюсь къ суду людей невѣрующихъ, но искреннихъ, по знающихъ то, о чемъ я говорю. Тотъ, кто *это* понялъ, кто *это* прочувствовалъ, тотъ, кто своимъ чтеніемъ довелъ до сознанія безграмотныхъ слушателей хотя бы десятую долю этого вѣскаго содержанія,—можно ли отказать ему въ умственномъ, въ художественномъ развитіи? Можно ли сомнѣваться въ томъ, что ему будетъ, eo ipso, доступно, и по содержанію, и по формѣ, все, что̀ представляетъ прочнаго, истинно цѣннаго наша свѣтская литература?

Само собою разумѣется, что такого развитія не можетъ дать наша сельская школа. Она только ведетъ къ нему, кладетъ ему основу, и это—оставаясь въ предѣлахъ своей элементарной программы, добросовѣстно исполненной. Не знаніями, по необходимости крайне скудными, которыя можетъ она сообщить, сильна наша сельская школа, но пріобрѣтаемыми въ ней умѣніями, дающими средства къ дальнѣйшему, внѣшкольному развитію; не нашими измѣнчивыми взглядами на цѣли и объемъ преподаванія, но яснымъ и твердымъ взглядомъ на эти вопросы самого народа.

Я не сочиняю, не придумываю, а говорю на основаніи долгихъ наблюденій. Нѣтъ, не къ газетѣ и театру, какъ во Франціи, тяготѣетъ нашъ грамотный народъ, а къ церкви и книгѣ, и въ этомъ залогъ его будущаго духовнаго развитія—здороваго и прочнаго.

Но еще болѣе широкій просторъ истинно народной художественной дѣятельности даетъ церковное пѣніе. Въ немъ можетъ участвовать всякій, кто обладаетъ хотя бы самыми ограниченными голосовыми средствами, хотя бы самою посредственною музыкальною способностію. Эти задатки, столь распространенные въ нашемъ народѣ, совершенно недостаточные для одиночной художественной дѣятельности, въ хоровомъ пѣніи пріобрѣтаютъ глубокій смыслъ, высокую цѣну, даютъ доступъ къ высшимъ сферамъ человѣческаго искусства.

Есть ли надобность передъ людьми, обладающими хоть тѣнью музыкальнаго чутья, настаивать на несравненной красотѣ нашихъ древнихъ церковныхъ напѣвовъ? Есть ли нужда читателю, хотя сколько-нибудь знакомому съ нашимъ богослуженіемъ, напоминать о ихъ неисчерпаемомъ разнообразіи? Тому, кто окунулся въ этотъ міръ строгаго величія, глубокаго озаренія всѣхъ движеній человѣческаго духа, тому доступны всѣ выси музыкальнаго искусства, тому понятны и Бахъ, и Палестрина, и самыя свѣтлыя вдохновенія Моцарта, и самыя мистическія дерзновенія Бетховена и Глинки (1).

Не считаю нелишнимъ присовокупить слѣдующее замѣчаніе. Наша оффиціальная педагогика, допуская въ школѣ церковное пѣніе, рядомъ съ нимъ ставитъ, съ особою настойчивостію, пѣніе свѣтское, пѣніе искаженныхъ для школъ пѣсень народныхъ, и цѣлой литературы, весьма низкопробной, искусственныхъ дѣтскихъ пѣсенокъ. Весь этотъ хламъ безусловно нужно выбросить за бортъ. Все это дѣти съ удовольствіемъ споютъ въ школѣ, ибо всякая правильная послѣдовательность трезвучій имѣетъ для нихъ прелесть новизны. Но все это лишь портитъ ихъ вкусъ, и за предѣлы школы не

---

(1) Мнѣ случилось проиграть (на фортепіано) мальчикамъ, не знавшимъ иной музыки кромѣ церковной, цѣлую музыкальную хрестоматію. Одобренія ихъ удостоились только отрывки изъ «Донъ-Жуана» и изъ «Passionsmusik» Баха. Впослѣдствіи пониманіе ихъ расширилось.

выходитъ. Народняя пѣснь, измѣненная въ своемъ напѣвѣ, ради чуждой ея характеру гармонизаціи, перестаетъ быть народною. Пѣсни, заученныя въ школѣ, дома не поются,—и слава Богу. Достойная четырехголосная гармонизація нашихъ народныхъ напѣвовъ—дѣло будущаго. Пока плодотворно и жизненно въ школѣ—лишь пѣніе церковное (1).

«Служенье музъ не терпитъ суеты», сказалъ поэтъ. Тѣмъ паче служеніе, принадлежащее развѣ той небесной музѣ, которую призывалъ Тассо:

O Musa, tu, che di caduchi allori
Non circondi la fronte in Elicona;
Ma su, nel ciel, fra i beati cnori
Hai di stelle immortali aurea corona (2).

А попытайтесь-ка это объяснить нашимъ записнымъ педагогамъ!

Но и внѣ педагогическаго міра, обладающаго, такъ-сказать, оффиціальною привиллегіею непониманія, многимъ могутъ показаться неумѣстными и странными эти толки о высшихъ сферахъ искусства по поводу нашей темной мужицкой школы. Постараюсь, въ мое оправданіе, войти въ слѣдующей моей замѣткѣ въ нѣкоторыя ближайшія подробности.

Пока ограничусь напоминаніемъ, что эти строки пишутся не литераторомъ, а школьнымъ учителемъ, не въ кабинетѣ столичной редакціи, а въ сельской школѣ, въ которой пишущій проводитъ всю свою жизнь.

II.

Въ оправданіе того громаднаго художественнаго и образовательнаго значенія, которое я придаю нашему

---

(1) Во время похода моей школы въ Нилову пустынь, учениковъ въ деревняхъ безпрестанно просили пѣть молитвы. Никто не просилъ ихъ спѣть пѣсеньку.

(2) «О Муза, ты, которая тлѣнными лаврами не осѣняешь чела на Геликонѣ, но на небѣ, среди почестей блаженныхъ, имѣешь изъ безсмертныхъ звѣздъ золотую корону.

церковному пѣнію, напомню прежде всего о неисчерпаемомъ богатствѣ художественнаго матеріала, коимъ оно располагаетъ.

Кругъ нашихъ церковныхъ пѣснопѣній далеко не исчерпывается тѣми мелодіями, которыя изложены въ нотныхъ изданіяхъ Святѣйшаго Синода, тѣми многочисленными обработками и самостоятельными духовно-музыкальными сочиненіями, которыя имѣются въ печати. Все это составляетъ лишь малѣйшую долю нашего живаго, дѣйствительнаго богатства. Нашъ богослужебный кругъ живетъ въ цѣломъ рядѣ мѣстныхъ, возникшихъ въ разное время *распѣвовъ*, отличающихся одинъ отъ другаго не только характеристическими видоизмѣненіями общихъ всѣмъ, основныхъ мелодій, но обладающихъ каждый самостоятельными напѣвами для изустныхъ церковныхъ текстовъ. Характеръ этихъ напѣвовъ, какъ и характеръ нашей церковной архитектуры, представляетъ дивное сліяніе элементовъ заимствованныхъ вмѣстѣ съ христіанствомъ изъ Греціи и элементовъ чисто-русскихъ, народныхъ.

Ни одинъ изъ этихъ мѣстныхъ распѣвовъ не изданъ вполнѣ (1), ни одинъ не переложенъ достойнымъ образомъ на четыре голоса. Всего болѣе въ этомъ отношеніи сдѣлано для распѣва *придворнаго*, распѣва искусственнаго, своднаго, возникшаго въ Императорской пѣвческой капеллѣ изъ сліянія и взаимодѣйствія мѣстныхъ напѣвовъ, занесенныхъ въ Петербургъ изъ всѣхъ краевъ Россіи пѣвчими придворнаго хора. Гармонизація придворной капеллы, распространяемая путемъ печати, имѣетъ громадное значеніе, какъ единственный сборникъ четырехголосныхъ церковныхъ пѣснопѣній, удовлетворяющій главнѣйшимъ практическимъ нуждамъ богослуженія. Но этотъ сборникъ оставляетъ желать многаго, и относительно полноты, и относительно доступности

---

(1) Нынѣ приступлено къ такому изданію распѣва Московской епархіи.

голосовымъ средствамъ скромнаго церковнаго хора. На практикѣ, онъ постоянно пополняется заимствованіями изъ мѣстныхъ распѣвовъ, вставками изъ твореній нашихъ извѣстныхъ композиторовъ и еще чаще изъ безъименныхъ твореній, массами распространяющихся въ рукописи изъ нашихъ пѣвческихъ хоровъ, архіерейскихъ и монастырскихъ. Эти творенія — по большей части не что иное, какъ четырехголосныя переложенія, болѣе или менѣе удачныя, любимыхъ мѣстныхъ напѣвовъ Тѣмъ же путемъ распространяются нерѣдко сочиненія чисто искусственныя, лишенныя церковнаго характера, единственное достоинство коихъ — легкая исполнимость.

И такъ, въ области нашего церковнаго пѣнія мы имѣемъ дѣло не съ мертвымъ капиталомъ, завѣщаннымъ намъ минувшими вѣками, а съ живымъ творческимъ процессомъ (1), постоянно поддерживаемымъ настоятельною практическою потребностію въ стройномъ, осмысленномъ, возвышающемъ душу богослуженіи. Эта потребность, издавна сильная въ центрахъ гражданской и церковной жизни, въ городахъ и монастыряхъ, нынѣ, съ распространеніемъ грамотности, съ умственнымъ и духовнымъ пробужденіемъ массы, распространяется въ ширь и глубь, и неминуемо должна вызвать въ нашемъ музыкальномъ искусствѣ новыя направленія, новую, усиленную дѣятельность.

Если мы постараемся опредѣлить въ самыхъ общихъ чертахъ тѣ причины, которыя за послѣдніе два вѣка имѣли рѣшающее вліяніе на видоизмѣненіе нашихъ церковныхъ напѣвовъ, то на первомъ мѣстѣ мы несомнѣнно должны упомянуть о распространеніи у насъ музыки западной, пріучившей нашъ слухъ къ сложной полифоніи въ двухъ ладахъ (*дуръ* и *молль*), на Западѣ вытѣснившихъ всѣ прочіе. Но наши церковные напѣвы, какъ и древніе напѣвы Запада, создались не въ этихъ

(1) Нѣкоторые распѣвы. какъ Успенскій, Симоновскій, возникли въ самое недавнее время.

ладахъ, а въ ладахъ *церковныхъ* соотвѣтствующихъ осьми *гласамъ* нашего октоиха. Въ то время, когда многоголосное церковное пѣніе сдѣлалось у насъ общею потребностію, гармонизація въ этихъ ладахъ на Западѣ уже вышла изъ употребленія, и вмѣстѣ съ широкимъ примѣненіемъ полифоніи въ наше церковное пѣніе вторглись западные лады. Едвали мы ошибемся, если вліянію этихъ ладовъ припишемъ особенности распѣва Кіевскаго, всего легче поддающагося гармонизаціи въ этихъ ладахъ. Несомнѣнно, что имъ опредѣлился характеръ распѣва придворнаго. То же вліяніе продолжаетъ дѣйствовать на все наше церковное пѣніе. Все, что написано нашими композиторами для церкви, написано въ ладахъ западныхъ. Слѣды полифоніи въ ладахъ церковныхъ сохранились лишь въ нѣкоторыхъ монастыряхъ. Мы давно привыкли подъ осьмью *гласами* разумѣть не восемь самостоятельныхъ ладовъ, а восемь характеристическихъ мелодій, движущихся въ гаммахъ *дуръ* и *молль.* Между тѣмъ, истинное осьмигласіе сохранилось у насъ въ унисонномъ пѣніи и имѣетъ свою, весьма элементарную, традиціонную полифонію.

И такъ, наше церковное пѣніе доказало свою жизненность, приспособивъ свои мелодіи къ гармоническимъ требованіямъ ладовъ западныхъ и тѣмъ усвоивъ себѣ всѣ музыкальныя средства и пріемы современнаго искусства, а между тѣмъ сохранило въ неизмѣнномъ видѣ, въ живомъ употребленіи и свои древніе напѣвы, требующіе гармонизаціи иной, въ ладахъ церковныхъ.

Въ такой то гармонизаціи чувствуется нынѣ настоятельная потребность. Сознаніе ея необходимости давно проникло въ наши музыкальныя сферы. Безсмертный Глинка посвятилъ послѣдніе годы своей жизни изученію нашихъ церковныхъ напѣвовъ и церковныхъ ладовъ, и лишь преждевременная смерть помѣшала ему совершить въ нашей церковной музыкѣ благотворный поворотъ, равносильный тому, который совершилъ онъ въ нашей музыкѣ свѣтской. Сохранились интересныя

его попытки на этомъ поприщѣ (1). Послѣ него, покойный Потуловъ издалъ обиходную литургію, въ четырехголосной гармонизаціи, строго церковной. Эта добросовѣстная работа не имѣла успѣха, потому что ея авторъ, болѣе теоретикъ чѣмъ художникъ, не обладалъ тою силою дарованія, которая прокладываетъ дорогу новымъ направленіямъ въ искусствѣ. Въ настоящее время вниманіе къ этому дѣлу вновь возбуждено въ средѣ самыхъ талантливыхъ нашихъ композиторовъ, и ближайшее будущее принесетъ намъ на этомъ поприщѣ новые, плодотворные труды.

Читатели извинятъ это длинное отступленіе. Оно было необходимо, чтобы напомнить имъ весь объемъ музыкальныхъ сокровищъ, коими обладаетъ наша церковь, все громадное развивающее значеніе, которое принадлежитъ нашему церковному пѣнію и въ настоящемъ, и въ будущемъ, всю жизненность этого искусства, единственнаго у насъ, носителемъ котораго является весь народъ, отъ великаго художника, витающаго въ высшихъ сферахъ человѣческаго творчества, до дряхлаго дьячка, свято хранящаго напѣвы, унаслѣдованные отъ отцовъ и дѣдовъ, до полуграмотнаго школьника, впервые съ радостнымъ благоговѣніемъ познающаго дивную силу, даруемую его слабому голосу сочетаніемъ съ другими голосами въ хвалѣ Всевышняго Бога.

Считаю необходимымъ присовокупить еще слѣдующее замѣчаніе. По мнѣнію многихъ авторитетныхъ художниковъ и знатоковъ церковнаго пѣнія, употребленіе въ немъ западныхъ ладовъ есть отступленіе отъ истиннаго характера православнаго пѣснопѣнія, и должно быть безусловно замѣнено гармонизаціею въ ладахъ церковныхъ. Позволяю себѣ думать, что это требованіе преувеличено, что художественная дѣятельность послѣд-

(1) Въ книгѣ Разумовскаго о церковномъ пѣніи умоминается «литургія» Глинки. Почему она не издана?

нихъ двухъ столѣтій не можетъ быть выкинута изъ исторіи нашего церковнаго пѣнія, что рядомъ съ искаженіями, которыя надлежитъ устранить, она внесла въ его область дѣйствительное обогащеніе. Лучшія сочиненія и переложенія Бортнянскаго и его школы (въ особенности Турчанинова) не могутъ быть исключены изъ сокровищницы нашихъ церковныхъ пѣснопѣній (1). Лады западные изъ нея не исчезнутъ. Слѣдуетъ только заключить ихъ употребленіе въ должныя границы, возстановить въ ея правахъ гармонизацію въ ладахъ церковныхъ, естественная область которыхъ несравненно обширнѣе, чѣмъ область ладовъ западныхъ. Опредѣлить, разграничить эти области — дѣло художественнаго чутья, будущей дѣятельности геніальныхъ композиторовъ — еще болѣе, чѣмъ дѣло музыкальной теоріи. И не на основаніи теоретическихъ соображеній позволяю я себѣ выразить это мнѣніе, а на основаніи практическихъ наблюденій.

Гармонизація въ ладахъ церковныхъ проще, бѣднѣе гармонизаціи въ общеупотребительныхъ западныхъ ладахъ. Но древняя италіанская церковная музыка (школа Палестрины) доказала, какія богатства заключаются въ этой относительной бѣдности, въ этой величавой простотѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что гармоническая разработка нашихъ древнихъ церковныхъ напѣвовъ поведетъ къ умноженію этого богатства. Особенно умѣстна, даже необходима строго-церковная гармонизація для всѣхъ краткихъ, часто повторяемыхъ молитвословій, и для напѣвовъ великопостныхъ. Она должна получить самое широкое примѣненіе въ переложеніяхъ, назначенныхъ

(1) Попытаюсь пояснить мою мысль сравненіемъ. Наше церковное зодчество XVII вѣка, столь обильно принявшее въ себя элементы западные, можетъ ли считаться мертвою вѣтвію нашего народнаго искусства? Вспомнимъ церкви въ Филяхъ и московскія церкви Успенія на Покровкѣ и Воскресенья въ Кадашахъ, Крутицкія архіерейскія палаты и т. п. Вычеркнемъ ли мы изъ исторіи нашей архитектуры эти западныя гармонизаціи русскихъ мотивовъ?

для скромныхъ сельскихъ хоровъ, ибо церковный напѣвъ гармонизованный въ церковныхъ ладахъ и удобопонятнѣе, и легче исполнимъ, и запечатлѣвается въ памяти слушателей въ своемъ чистомъ, первоначальномъ видѣ.

Ограничиваюсь этими бѣглыми намеками на теоретическую сторону дѣла. Они были необходимы, чтобы указать на обширность музыкальной области, раскрываемой передъ нами нашимъ церковнымъ пѣніемъ. Въ слѣдующей замѣткѣ перейду къ сторонѣ практической, къ тѣмъ условіямъ, при которыхъ правильное церковное пѣніе можетъ сдѣлаться общимъ достояніемъ нашихъ приходскихъ церквей, и городскихъ, и сельскихъ.

III.

Условія подъема нашего церковнаго пѣнія, широкаго его распространенія въ формахъ высокихъ и чистыхъ, коренятся въ двухъ сферахъ, до сихъ поръ имѣвшихъ весьма мало соприкосновенія въ сферѣ нашего высшаго музыкальнаго творчества и въ сферѣ нашей скромной сельской школы.

Русская музыкальная школа обладаетъ несомнѣнною жизненностію. Ея оригинальность, ея творческая энергія признаны музыкальными авторитетами всего міра. Ея самобытная сила заявила себя во всѣхъ музыкальныхъ формахъ, освященныхъ вѣками, во всѣхъ музыкальныхъ направленіяхъ, возникшихъ въ новѣйшее время. Одна лишь задача оставлена этою школою безъ должнаго вниманія,—а эта задача есть коренная и историческая, кровная задача русской музыки. Она не дала намъ полнаго круга художественныхъ, истинно церковныхъ пѣснопѣній.

Пора подумать о пополненіи этого пробѣла. Вѣрю, что онъ будетъ пополненъ несмотря на всѣ внѣшнія препятствія. Но и объ этихъ препятствіяхъ, непонятныхъ, обидныхъ, недостойныхъ—стоитъ сказать нѣсколько словъ.

Года четыре тому назадъ, самый талантливый изъ русскихъ композиторовъ, П. И. Чайковскій, издалъ четырехголосную литургію своего сочиненія. И что же? Это радостное музыкальное событіе вызвало цѣлый рядъ непостижимыхъ оскорбительныхъ скандаловъ. Партитура г. Чайковскаго была запрещена, конфискована. Исполненіе ея въ церквахъ не было допущено.

Для того, чтобы удовлетворить естественному желанію публики ознакомиться съ новымъ твореніемъ любимаго автора, нужно было прибѣгнуть къ концертному исполненію «Литургіи» *въ полномъ ея составѣ*, исполненію, которое произвело на людей благочестивыхъ самое тягостное впечатлѣніе. Дѣйствительно, это вышло похоже на обѣдню, прерываемую вызовами и рукоплесканіями.

И чѣмъ же заслужила эта несчастная «Литургія» такого усиленнаго гоненія? Съ внѣшней стороны, она движется въ оффиціально признанныхъ формахъ школы Бортнянскаго, при употребленіи, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, церковныхъ ладовъ. Съ внутренней—она съ начала до конца проникнута глубокимъ, искреннимъ религіознымъ чувствомъ, съ нѣкоторымъ преобладаніемъ субъективно-элегическаго элемента. Затѣмъ она отличается обычными достоинствами твореній г. Чайковскаго: обиліемъ самобытныхъ мелодій, мастерскимъ голосоведеніемъ, полнымъ отсутствіемъ всякихъ низменныхъ эффектовъ. Вся литургія разсчитана на исполненіе полнымъ, первоклассньмъ хоромъ.

Въ чемъ же заключалась бы опасность, еслибъ литургія г. Чайковскаго была предоставлена самой себѣ? Она была бы исполнена нѣсколько разъ въ столичныхъ церквахъ. Нѣкоторые лучшіе ея нумера продолжали бы исполняться въ нихъ отъ времени до времени. При этомъ наглядно обнаружились бы и всѣ ея достоинства, и всѣ ея недостатки, къ коимъ никто не можетъ быть чувствительнѣе, чѣмъ высоко-талантливая, чуткая натура

самого автора, и этотъ опытъ благотворно отразился бы на послѣдующей его творческой дѣятельности.

Г. Чайковскій обладаетъ слишкомъ прочно установившимися музыкальнымъ авторитетомъ, слишкомъ сильно бьетъ въ немъ творческая струя, чтобы могли остановить его подобныя случайныя невзгоды (1). Но каково должно быть впечатлѣніе, производимое ими на таланты начинающіе, ищущіе пути? Не равняются ли для нихъ подобные прецеденты—*запрещенію* свободнаго творчества въ области церковнаго пѣнія?

А въ этой области намъ и нужно свободное обильное творчество, подъ руководствомъ корифеевъ искусства, подъ незамѣтнымъ контролемъ практическаго опыта. Только этимъ опытомъ можетъ быть опредѣлена та мѣра свободы въ пользованіи нашими древними напѣвами, въ отступленіи отъ нихъ, которая совмѣстима съ истинно церковнымъ характеромъ нашего духовнаго пѣнія. Опасаться при этомъ вторженія въ нашу церковную практику твореній недостойныхъ, характера низкаго и грубаго, рѣшительно нѣтъ поводовъ. Наше духовенство, постоянные посѣтители нашихъ церквей—не театральная публика. Трудно себѣ представить, чтобы музыкальное сочиненіе, могущее произвести соблазнъ, было допущено настоятелемъ церкви до исполненія во время богослуженія, невозможно предположить, чтобы такое исполненіе было повторено. Что касается до вещей просто слабыхъ и пошловатыхъ, къ сожалѣнію и нынѣ безпрестанно исполняемыхъ нашими пѣвческими хорами, городскими и фабричными, пробавляющимися преимущественно рукописными твореніями безъименныхъ авторовъ, то противъ ихъ распространенія существуетъ одно только средство: дѣльная и строгая гармонизація всего нашего богослужебнаго круга во всѣхъ глав-

(1) О томъ свидѣтельствуетъ еще не изданная его, «Всенощная», въ которой, по журнальнымъ отзывамъ, уже замѣчается поворотъ къ традиціональному характеру церковнаго пѣнія.

ныхъ нашихъ мѣстныхъ распѣвахъ. По слухамъ, къ этому громадному, основному труду уже приступили нынѣ нѣкоторые изъ лучшихъ представителей нашего музыкальнаго искусства. Да благословитъ Богъ ихъ начинанія, коимъ суждено составить эпоху въ исторіи нашего духовнаго пѣнія!..

Но повторяю: кромѣ этого, намъ нужно широкое развитіе свободнаго творчества въ области церковной музыки. Лишь свободное возвращеніе нашихъ первоклассныхъ композиторовъ къ духу нашихъ древнихъ церковныхъ пѣснопѣній можетъ вдохнуть жизнь въ наше духовное искусство,—и это возвращеніе совершится неминуемо, какъ только они станутъ лицомъ къ лицу не съ кружками столичныхъ диллетантовъ, а съ массою вѣрующихъ, въ твореніяхъ предназначенныхъ для повсемѣстнаго распространенія...

Остается мнѣ сказать нѣсколько словъ объ условіяхъ этого повсемѣстнаго распространенія правильнаго нотнаго многоголоснаго пѣнія. Орудіемъ этого распространенія можетъ служить только и уже начинаетъ служить—сельская школа. Вездѣ, гдѣ учитель мало-мальски знакомъ съ практикою хороваго пѣнія, при церквахъ составляются небольшіе хоры изъ мальчиковъ и юношей, учащихся и учившихся. Результаты достигаемые при этомъ по истинѣ замѣчательны, если принять въ разсчетъ тѣ малыя средства, то краткое время, которымъ располагаетъ наша сельская школа. Успѣхъ дѣла обусловливается тутъ, съ одной стороны, музыкальною даровитостію нашихъ крестьянскихъ ребятъ, съ другой, общимъ сочувствіемъ, возбуждаемымъ ихъ пѣніемъ въ церкви. Пѣніе—единственная отрасль обученія, въ которой успѣхи могутъ быть оцѣнены непосредственно даже безграмотными родителями учащихся, возбуждаютъ живой интересъ въ сельскихъ жителяхъ всѣхъ сословій. Учитель способный устроить въ церкви приличное пѣніе пользуется громаднымъ преимуществомъ передъ

своими собратіями, и на его долю достаются лучшія учительскія мѣста.

Но такихъ учителей пока слишкомъ мало. Пѣніе преподается въ нашихъ учительскихъ семинаріяхъ, и при нихъ составляются хорошіе пѣвческіе хоры. Но при краткости и многопредметности учебнаго курса въ этихъ заведеніяхъ, лишь самые талантливые изъ ихъ воспитанниковъ успѣваютъ пріобрѣсти способность самостоятельно править хоромъ. Преподается оно и въ духовныхъ семинаріяхъ. Но молодые люди, оканчивающіе курсъ въ этихъ заведеніяхъ, занимаютъ учительскія мѣста лишь на краткіе сроки, какъ бы мимоходомъ, въ ожиданіи посвященія, и поэтому не имѣютъ ни времени, ни охоты къ устройству пѣвческихъ хоровъ. Остальные сельскіе учителя лишь по счастливой случайности могутъ пріобрѣсти знанія и навыки необходимые для управленія хоромъ.

Въ высшей степени желательно распространить и усилить у насъ средства музыкальнаго образованія, и въ частности образованія церковно-музыкальнаго. Для этого, прежде всего, должно быть усилено и возвышено преподаваніе пѣнія въ нашихъ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ. Естественный руководитель пѣнія въ церкви есть священникъ, естественный регентъ на церковномъ клирѣ—псаломщикъ. Но послѣдняго рѣдко удается привлечь даже къ участію въ школьномъ хорѣ, за непривычкою его къ нотному пѣнію, за полнымъ равнодушіемъ къ его изяществу, коему онъ предпочитаетъ— краткость службы (1). Между тѣмъ, псаломщикъ-регентъ могъ бы значительно улучшить и матеріальное, и общественное свое положеніе. Его труды принесли бы ему и денежное вознагражденіе, отъ прихода и сельскаго

(1) Смертельный ударъ обиходному пѣнію въ сельскихъ церквахъ нанесло сокращеніе причтовъ, убивъ традиціональное двухголосное пѣніе, возложивъ на единственнаго причетника бремя неудобоносимое. Нынѣ приличное богослуженіе въ селахъ возможно лишь при помощи школы.

начальства, и обезпечили бы за нимъ сочувствіе мѣстнаго общества.

Но независимо отъ того, нужны средства музыкальнаго образованія, доступныя самимъ учителямъ. Намъ нуженъ въ каждой губерніи спеціальный разсадникъ регентовъ, при духовной семинаріи или при архіерейскомъ хорѣ, еще лучше—при какомъ-либо значительномъ монастырѣ, твердо хранящемъ преданіе пѣнія истинно-церковнаго. Намъ нуженъ въ каждомъ уѣздѣ опытный регентъ, получающій жалованіе отъ земства, который бы лѣтомъ обучалъ мѣстныхъ сельскихъ учителей, а зимою объѣзжалъ сельскія школы, направляя практическую дѣятельность своихъ учениковъ.

Начальный импульсъ и постоянное руководство всему дѣлу, конечно, могла бы дать наша несравненная придворная капелла.

Не могу не замѣтить при этомъ, что широкое распространеніе нотнаго пѣнія должно отразиться самымъ благотворнымъ образомъ на дѣятельности нашихъ композиторовъ. Оно привлечетъ ихъ вниманіе къ задачамъ обще-церковнымъ, истинно народнымъ, пріучитъ ихъ имѣть въ виду не виртуозовъ нашихъ столичныхъ хоровъ, а исполнителей болѣе скромныхъ, не прихотливую публику, посѣщающую концерты музыкальныхъ обществъ, но массу вѣрующихъ, которой желательно предлагать:

Nur ewige und ernste Dinge...

Вотъ наступила осень. Быстро убываютъ размѣры трудоваго дня. Приходитъ къ концу ранняя молотьба обильной благовременной жатвы. Еще недѣля и закипитъ жизнію затихшая на лѣто школа. Начнутся длинныя вечернія спѣвки, и проба новичковъ, и толки о предстоящихъ праздничныхъ службахъ, и вечернія посѣщенія прежнихъ дорогихъ учениковъ, приходящихъ заучить свою партію, отдохнуть, въ свѣтѣ и теплѣ, за чтеніемъ доброй книги, замѣнить при ребятахъ поющихъ учителей.

Благословенна наша суровая сѣверная природа, полагающая неумолимые предѣлы физическому труду селянина, повелительно призывающая насъ къ дѣятельности духа. Благословенны и долгая осенняя распутица, и безконечныя зимнія ночи, и скромная сельская церковь, собирающая подъ сѣнь свою дѣтей и юношей напоминаніемъ о томъ, что не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ!

Лѣтопись текущихъ событій.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ

данный на имя члена Государственнаго Совѣта, генералъ-адъютанта, генерала-отъ-инфантеріи графа Милютина.

Графъ Димитрій Алексѣевичъ. Свершившееся сегодня пятидесятилѣтіе достохвальнаго служенія вашего Престолу и Отечеству, даетъ Мнѣ поводъ привѣтствовать въ васъ неутомимаго и довѣреннаго сотрудника Незабвеннаго Моего Родителя, въ доблестномъ и важномъ военномъ дѣлѣ.

Многолѣтніе труды ваши на усовершенствованіе военнаго устройства Россіи представляютъ нынѣ возможность обращать преимущественную дѣятельность Правительства на мирное развитіе обширныхъ силъ нашего Отечества.

Съ особеннымъ удовольствіемъ выражая вамъ еще разъ сегодня искреннюю признательность за долголѣтнюю и полезную службу вашу, пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклоннымъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

8-го ноября 1883 г.

Гатчина.

— *Высочайшая награда за ученые труды.*—Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ, 5-го сего ноября, произвести доктора русской исторіи Дмитрія Иловайскаго, въ воздаяніе особыхъ заслугъ его на поприщѣ науки и литературы, въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

— *Назначеніе на должность члена совѣта Министра народнаго просвѣщенія.*—Именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату 20 октября, вице-директору канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода и члену учебнаго комитета при Синодѣ, тайному совѣтнику Чистовичу Всемилостивѣйше повелѣно быть членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ въ настоящихъ должностяхъ.

— *Прощаніе С.-Петербургской Духовной Академіи съ Ректоромъ—Протоіереемъ І. Янышевымъ.*—23 октября, какъ сообщаетъ «Нов. Время», петербургская духовная академія прощалась съ своимъ бывшимъ ректоромъ, протоіереемъ І. Л. Янышевымъ. Послѣ литургіи, отслуженной о. Янышевымъ въ домовой академической церкви, масса студентовъ, бывшихъ и теперешнихъ, наполнила актовый залъ, куда вскорѣ прибылъ и о. ректоръ. Здѣсь представители отъ всѣхъ курсовъ поднесли своему любимому ректору адресъ, въ которомъ выразили ему, какъ своему бывшему профессору и начальнику, неподдѣльныя чувства своей любви и преданности съ искреннимъ сожалѣніемъ о томъ, что теперь они должны разстаться съ нимъ. Глубоко растроганный о. І. Л. Янышевъ благодарилъ студентовъ и пожелалъ имъ твердо держаться того добраго направленія, какое онъ въ теченіи своего пребыванія въ академіи всегда замѣчалъ въ студентахъ. Въ этотъ же день профессора академіи давали обѣдъ І. Л. Янышеву и поднесли ему альбомъ.

— *Вступленіе въ должность Ректора С.-Петербургской Дух. Академіи Преосвященнаго Арсенія, Епископа Ладожскаго.*—8-го ноября, по случаю торжественнаго вступленія преосвященнаго Арсенія, епископа ладожскаго, въ должность ректора С.-Петербургской духовной академіи, въ академической церкви была совершена литургія его преосвященствомъ, при соборномъ участіи духовенства. Послѣ литургіи преосвященный Арсеній произнесъ приличное случаю слово, гдѣ доказывалъ, по преимуществу, ту главную мысль, что христіанство, вопреки требованіямъ науки, не можетъ быть усовершаемо и что нравственность не зависитъ отъ развитія умственныхъ способностей. Послѣ благодарственнаго молебствія преосвященный Арсеній пригласилъ студентовъ академіи въ актовую залу, гдѣ, при сердеч-

номъ радушіи, бесѣдовалъ и ознакомился со своими питомцами. Здѣсь же онъ высказалъ цѣль и задачу своего предстоящаго служенія академіи. Главная цѣль его заботъ, по его словамъ, будетъ состоять въ содѣйствіи религіозно-нравственному развитію студентовъ и во внимательномъ отношеніи къ нуждамъ и запросамъ студенческой жизни, при руководствѣ академическаго устава и справедливости. Послѣ того, преосвященный Арсеній пожелалъ осмотрѣть зданіе академіи, къ чему и приступилъ, начиная съ комнаты, гдѣ помѣщается канцелярія академіи. Завтра онъ будетъ осматривать аудиторіи, занятныя комнаты студентовъ и прочія мѣста академіи. Преосвященный Арсеній будетъ читать лекціи въ академіи по нравственному богословію и будетъ въ одномъ своемъ лицѣ совмѣщать должности ректора академіи и викарія ладожскаго.

— *Открытіе въ г. Боровскѣ братства преподобнаго Пафнутія.*—Недавно открытое въ г. Боровскѣ, калужской епархіи, братство преподобнаго Пафнутія, боровскаго чудотворца, встрѣчаетъ живое сочувствіе въ средѣ мѣстнаго духовенства. Съѣздъ духовенства 2-го благочинническаго участка перемышльскаго уѣзда, получивъ извѣстіе объ образованіи братства въ городѣ, гдѣ православіе издавна находится въ тяжоломъ положеніи отъ вкоренившагося раскола, постановилъ поступить въ полномъ составѣ причтовъ въ члены-соревнователи братства и оставаться таковыми навсегда со взносомъ по 2 рубля отъ каждаго причта; независимо отъ того, приглашать прихожанъ къ поступленію въ члены братства и къ денежнымъ единовременнымъ пожертвованіямъ.—Вообще въ калужской епархіи духовенство дѣятельно принимается за осуществленіе мѣръ, клонящихся къ духовной пользѣ пасомыхъ. Еще въ прошломъ году преосвященнымъ Владиміромъ, епископомъ калужскимъ, предложено было духовенству: а) озаботиться устроеніемъ хороваго пѣнія, б) установить живое общеніе съ православнымъ народомъ съ помощію бесѣдъ и в) заняться открытіемъ церковныхъ библіотекъ и церковно-приходскихъ школъ. Въ текущемъ году, въ одномъ изъ собраній духовенства калужскаго уѣзда, поставленъ былъ вопросъ о томъ, насколько выполнены духовенствомъ эти предначертанія. Оказалось, что изъ 11 селъ, входящихъ въ составъ

калужскаго благоч. участка, хоровое народное пѣніе заведено лишь въ 2, церковныя библіотеки открыты въ 3, внѣбогослужебныя собесѣдованія въ 3 селахъ, а церковно-приходскія школы нигдѣ не учреждены. Собраніе духовенства постановило: нынѣшнею осенью приступить къ открытію церковно-приходскихъ школъ, съ тѣмъ чтобы преподаваніе въ нихъ закона Божія лежало на священникахъ, а обученіе хоровому церковно-богослужебному пѣнію—на низшихъ членахъ клира, немедленно завести церковныя библіотеки и долгъ пастырскаго внѣбогослужебнаго учительства исполнять при исправленіи приходскихъ требъ по домамъ.

— *Состояніе дѣлъ Холмскаго Богородицкаго братства.*—8 сентября, въ день храмоваго праздника холмскаго каѳедральнаго собора, происходило торжественное собраніе холмскаго Богородицкаго братства, на которомъ прочитанъ отчетъ о дѣятельности братства за минувшій годъ. Изъ отчета оказалось, что дѣла братства находятся въ цвѣтущемъ состояніи. На средства братства печатались книги и брошюры религіознаго содержанія, многія церкви снабжены утварью, облаченіями и книгами, въ холмскомъ духовномъ училищѣ содержалось нѣсколько учениковъ изъ крестьянскихъ дѣтей, учрежденъ археологическій музей. Не смотря на значительные расходы, братство располагаетъ капиталомъ свыше 10,000 р. По прочтеніи отчета преосвященный Модестъ, отъ имени братства, поднесъ присутствовавшему въ собраніи генералъ-губернатору І. В. Гурко званіе почетнаго члена братства, золотой братскій знакъ и прекрасно отдѣланную копію холмской чудотворной иконы Божіей Матери.

— *Освященіе Бѣлой палаты въ городѣ Ростовѣ.*—28 октября, въ городѣ Ростовѣ (Ярославской губерніи), извѣстномъ въ нашихъ лѣтописяхъ подъ названіемъ *Ростова Великаго*, назначено освященіе такъ-называемой «Бѣлой палаты», въ которой нѣкогда Св. Димитрій принималъ и угощалъ императора Петра І. Бѣлая палата, построенная въ 1657 году Ростовскимъ митрополитомъ Іоною Сысоевичемъ и служившая парадною столовой Ростовскихъ митрополитовъ, представляетъ, по словамъ «Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», замѣчательный остатокъ древности какъ въ архитектурномъ, такъ и въ археологичес-

комъ отношеніи. Долгое время зданіе палаты стояло въ полуразрушенномъ видѣ, безъ крыши и оконныхъ рамъ, съ провалившимися въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сводами и только въ недавнее время палата была возобновлена на средства уроженцевъ Ростова, братьевъ Королевыхъ; работы производились подъ руководствомъ и указаніямъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и палата реставрирована въ стилѣ теремовъ XVII вѣка. Въ Бѣлой палатѣ предположено открыть музеумъ для храненія ростовскихъ древностей.

— *Празднованіе 25-лѣтняго юбилея Томской Дух. Семинаріи.* — 21-го сентября Томская семинарія праздновала 25-лѣтній юбилей. По окончаніи литургіи въ сем. церкви преосвященный Владиміръ произнесъ слово, въ которомъ, выяснивъ значеніе семинаріи для духовнаго просвѣщенія сибирскаго края, молилъ Бога о томъ, чтобы семинарія все больше и больше развивалась, ибо жатва многа, дѣлателей-же мало. Въ часъ дня начался актъ, въ залѣ архіерейскаго дома, въ присутствіи преосвященнаго, начальника губерніи и массы публики. На актѣ секретаремъ семинаріи Доброленскимъ былъ прочитанъ отчетъ о состояніи семинаріи въ учебномъ и экономическомъ отношеніи ко дню юбилея, причемъ выяснилось что она далеко не имѣетъ полнаго состава учащихся и что хотя въ общемъ экономическое состояніе семинаріи нельзя назвать неудовлетворительнымъ, но нѣкоторыя части требуютъ улучшенія. Между прочимъ въ плохомъ состояніи находится ученическая библіотека семинаріи, въ которой насчитывается только около 400 названій книгъ. Затѣмъ на актѣ были читаны рѣчи: священникомъ Тыжновымъ—исторія открытія семинаріи, преподавателемъ семинаріи Яхонтовымъ о постройкѣ зданія для семинаріи и преподавателемъ Смирновымъ на тему: удовлетворила-ли семинарія за свое 25-лѣтнее существованіе тѣмъ цѣлямъ ради которыхъ она создана.

На актѣ ректоръ семинаріи о. архимандритъ Акакій заявилъ, что по инициативѣ начальника губерніи И. И. Красовскаго между гражданами города, сочувствующими дѣлу просвѣщенія юношества, открыта подписка на ученическую библіотеку при семинаріи, давшая въ теченіи перваго же часа около 200 р.

Актъ закончился краткимъ теплымъ словомъ г. начальника губерніи И. И. Красовскаго, въ которомъ онъ выразилъ пожеланіе, чтобы томская семинарія сдѣлалась центромъ духовнаго просвѣщенія Сибири и всегда была на высотѣ своего назначенія. Въ заключеніе былъ пропѣтъ всѣми воспитанниками гимнъ «Боже, царя храни». Во время акта было получено нѣсколько поздравительныхъ телеграммъ отъ бывшихъ ея воспитанниковъ, также отъ Веніамина, архіепископа иркутскаго, и Исаакія, епископа енисейскаго.

— *Слухъ объ отмѣнѣ экзаменовъ для поступленія въ семинаріи.*—«Церковно-Общественный Вѣстникъ» сообщаетъ изъ достовѣрныхъ источниковъ что по инціативѣ оберъ-прокурора Св. Синода учебнымъ комитетомъ онаго недавно обсуждался вопросъ о пріемныхъ испытаніяхъ въ семинаріяхъ. Въ виду того что въ составъ училищныхъ корпорацій стали назначаться въ преподаватели окончившіе курсъ въ духовныхъ академіяхъ имѣющіе одинаковые права съ преподавателями семинарій, пріемныя испытанія рѣшено замѣнить болѣе строгими выпускными испытаніями въ училищахъ, по окончаніи коихъ удостоеннымъ перевода въ семинаріи будетъ выдаваемо, по словамъ газеты, удостовѣреніе въ томъ.

— *Новыя правила воинскаго чинопочитанія.* Государь Императоръ 30 сентября 1883 года Высочайше повелѣть соизволилъ: принять къ руководству новыя правила воинскаго чинопочитанія и отданія чести отдѣльными лицами и въ составѣ командъ. Правилами этими, между прочимъ, постановляется что всякій начальникъ обязанъ требовать отъ своихъ подчиненныхъ точнаго исполненія правилъ чинопочитанія. Обязанность эта возлагается и на старшихъ, къ какому бы роду войскъ и къ какимъ бы командамъ или вѣдомствамъ они ни принадлежали. Такъ: адмиралы и генералы—по отношенію ко всѣмъ штабъ-и оберъ-офицерамъ, штабъ-офицеры по отношенію къ нижнимъ чинамъ не только въ правѣ, но и обязаны, въ случаѣ невыполненія правилъ чинопочитанія, дѣлать младшему напоминаніе и могутъ его арестовать, руководствуясь стт. 70, 71 и 72 Военно-Морскаго Дисциплинарнаго Устава 1860 года. Всякое послабленіе въ этомъ отношеніи составляетъ нарушеніе долга

службы и дѣлаетъ начальниковъ и старшихъ столь же отвѣтственными какъ подчиненныхъ и младшихъ, нарушившихъ установленныя правила. Всѣ военно-служащіе должны соблюдать нижеслѣдующее: а) при приближеніи начальника или старшаго должно встать, отдать установленную честь и не садиться, пока не получатъ на это разрѣшенія; б) не должно позволять себѣ курить при начальникѣ или при старшемъ, не получивъ предварительнаго на то разрѣшенія; в) находясь при исполненіи служебныхъ обязанностей или присутствуя на судахъ, на смотрахъ или ученьяхъ, не должно быть въ плащѣ или шинели если начальникъ или старшій безъ плаща, и г) вообще въ присутствіи начальника или старшаго соблюдать всѣ общепринятыя правила почтенія и вѣжливости.

— *Увеличеніе субсидіи періодическимъ изданіямъ.*—Средства, отпускаемыя ежегодно на изданіе двухъ правительственныхъ органовъ—«Правительственнаго и Сельскаго Вѣстниковъ», въ будущемъ году предполагается увеличить. Увеличены главнымъ образомъ суммы, ассигнуемыя на вознагражденіе частныхъ лицъ за разнаго рода статьи, корреспонденціи и сообщенія, помѣщаемыя въ названныхъ органахъ. Общая сумма, которая испрошена на будущій годъ на изданіе «Правительственнаго Вѣстника и Сельскаго Вѣстника» равняется 215,000. руб.

— *Пріемъ въ университеты сверхъ комплекта.*—Газеты по слухамъ передаютъ, что на дняхъ въ комитетѣ министровъ слушалась записка министра народнаго просвѣщенія о предоставленіи какъ русскимъ подданнымъ, такъ и уроженцамъ славянскихъ земель права поступать на медицинскій факультетъ московскаго и кіевскаго университетовъ сверхъ комплекта, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда пріемъ молодыхъ людей сверхъ опредѣленной нормы будетъ признанъ министерствомъ народнаго просвѣщенія желательнымъ въ виду исключительныхъ обстоятельствъ и осуществимымъ безъ ущерба для правильнаго веденія преподаванія. Комитетъ министровъ съ мнѣніемъ статсъ-секретаря Делянова согласился, и дѣло это, по слухамъ, получило Высочайшее утвержденіе.

— *Похороны профессора Кіевской Дух. Академіи Воронова.*— По словамъ газеты «Заря», происходили 31 октября. Литургію

совершалъ преосвященный Виталій, викарій Кіевской епархіи, въ сослуженіи многочисленнаго духовенства. Надгробное слово, исполненное любви и уваженія къ заслугамъ покойнаго, произнесъ профессоръ В. Ѳ. Пѣвницкій. Ораторъ отмѣтилъ неутомимую дѣятельность покойнаго, его отзывчивость на вопросы науки и жизни. Не было добраго дѣла за которое не взялся бы покойный, а взявшись не исполнилъ его съ рѣдкою добросовѣстностію. Отпѣваніе тѣла совершалъ высокопреосвященный Платонъ въ сослуженіи викарія, ректора Академіи и семинаріи, намѣстника Лавры, протоіерея отца Лебедева и многочисленнаго духовенства. Въ началѣ паннихиды профессоръ И. И. Малышевскій произнесъ прочувствованную рѣчь. Близко знавшій покойнаго, Малышевскій описалъ вкратцѣ его воспитаніе, которое дало наукѣ даровитаго и неутомимаго труженика, а Духовной Академіи прекраснаго профессора. Глубоко религіозный съ самаго дѣтства, покойный силу вѣры умѣлъ соединять съ силой и достоинствомъ научной истины, неустанно являясь ея поборникомъ и провозвѣстникомъ въ своихъ многочисленныхъ трудахъ. Талантливою оцѣнкой этой дѣятельности служила прекрасная рѣчь Малышевскаго. Кромѣ рѣчи Малышевскаго на паннихидѣ произнесены были еще двѣ рѣчи: одна студентомъ и ученикомъ покойнаго; она содержала теплую благодарность наставнику, обезсмертившему себя въ исторіи своими научными трудами; другая протоіереемъ Златоверховниковымъ и была данью благодарности служителя Церкви вѣрному ея сыну и поборнику. Послѣ паннихиды товарищи, друзья и многочисленные почитатели покойнаго проводили его гробъ на кладбище на Щекавицѣ. Несмотря на дурную погоду, стеченіе публики слѣдовавшей за гробомъ было довольно многочисленно. При опусканіи тѣла покойнаго произнесена еще рѣчь студентомъ.

— *Учено-литературные труды проф. Воронова.*—Въ церковно-исторической литературѣ А. Д. Вороновъ извѣстенъ многими статьями въ духовныхъ періодическихъ изданіяхъ. Вотъ перечень его трудовъ въ хронологическомъ порядкѣ: 1) «о происхожденіи свѣтской власти папъ»; 2) протестантское богословіе и вопросъ о богодухновенности св. писанія—историко-критическое изслѣдованіе; 3) объ участіи міранъ въ дѣлахъ церков-

ныхъ въ первые три вѣка христіанства. 4) народная школа и ея отношенія къ церкви и духовенству въ Германіи; 5) о чинахъ при архіерейскихъ каѳедрахъ въ восточной церкви; 6) синайское дѣло по подлиннымъ документамъ; 7) латино-нѣмецкая пропаганда у полабскихъ славянъ; 8) очеркъ исторіи старокатолической церкви въ Голландіи; 9) памяти Кириллу и Меѳодію. 10) изъ новѣйшей исторіи болгарскаго царства по Константину Иричку; 11) о латинскихъ миссіонерахъ на Руси-Кіевской въ X—XI вѣкахъ; 12) Кириллъ и Меѳодій. Главнѣйшіе источники исторіи Кирилла и Меѳодія. Послѣднее сочиненіе покойнымъ было представлено въ совѣтъ академіи для соисканія степени доктора богословія, которой онъ и удостоился. Онъ принималъ участіе въ литературномъ обсужденіи вопросовъ, относящихся къ пересмотру устава духовныхъ академій 1869 года. Покойный былъ членомъ различныхъ ученыхъ обществъ, въ которыхъ принималъ дѣятельное участіе.

— *Преосвященный Хрисанѳъ, бывшій Епископъ Нижегородскій.* (Некрологъ). — 6-го ноября, послѣ продолжительной болѣзни, скончался преосвященный на 52 году жизни Хрисанѳъ, бывшій епископъ нижегородскій и арзамасскій, докторъ богословія, заслужившій своими учеными трудами почетную извѣстность въ нашей богословской литературѣ. Почившій архипастырь получилъ высшее образованіе въ московской духовной академіи, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1856 году. Черезъ годъ онъ принялъ постриженіе въ монашество, и «до 1869 г. состоялъ на духовно-училищной службѣ въ должности преподавателя» Казанской и С.-Петербургской Академіи. Въ 1866 году возведенъ въ санъ архимандрита, а въ 1869 году опредѣленъ ректоромъ с.-петербургской духовной семинаріи и оставался въ этой должности до 1874 года, когда получилъ назначеніе на самостоятельную архіерейскую каѳедру въ Астрахань; отсюда чрезъ 3 года переведенъ былъ въ Нижній-Новгородъ. Въ 1879 году, по прошенію, въ виду болѣзненнаго состоянія его здоровья, уволенъ отъ управленія нижегородскою епархіею и назначенъ управляющимъ московскимъ Донскимъ ставропигіальнымъ монастыремъ, въ которомъ и жилъ до самой своей смерти. Изъ ученыхъ трудовъ преосвященнаго Хрисанѳа особенною извѣстностью пользуется ка-

питальное сочиненіе его: «Религіи древняго міра въ ихъ отношеніи къ христіанству» (3 огромные тома, 1873—1878 г.), за которое присуждена была ему (1878 г.) степень доктора богословія. Этою раннею смертію унесенъ изъ среды русскаго образованнаго общества человѣкъ, который съ честію совершилъ свое земное поприще и по своему высоко развитому уму, гуманности и научнымъ заслугамъ, могъ быть украшеніемъ всякаго общества! Преосвященный Хрисанѳъ уже нѣсколько лѣтъ страдалъ тяжкимъ недугомъ, лишившимъ его возможности дѣятельно исполнять его служебныя обязанности, и жилъ послѣдніе два или три года въ Донскомъ монастырѣ, въ Москвѣ, въ полномъ уединеніи. Два первыхъ удара, поразившіе его въ Нижнемъ Новгородѣ, потрясли его здоровье въ основаніи; третій, которому онъ подвергся 4 ноября, свелъ его уже прямо въ могилу. Но покойный принадлежалъ къ людямъ, которые, и оставаясь не у дѣлъ, никогда не знаютъ отдыха. Онъ до послѣднихъ дней былъ горячо преданъ умственнымъ занятіямъ, живо интересуясь, какъ движеніемъ науки, такъ и литературы и даже общественной жизни. Издавши свой капитальный трудъ о «Религіяхъ древняго міра», онъ уже больше не писалъ; правая рука его была совершенно парализована, и тѣ рѣдкія письма, которыя ему приходилось писать своимъ добрымъ знакомымъ, онъ или диктовалъ, или писалъ лѣвой рукой съ крайними трудностями. Но умственная жизнь постоянно горѣла въ немъ яркимъ пламенемъ. Это напряженіе умственной дѣятельности и было причиною преждевременной смерти этого выдающагося въ духовномъ мірѣ человѣка. Близко знавшіе покойнаго имѣли возможность въ бесѣдахъ съ преосвященнымъ о наукѣ, литературѣ и общественной жизни вполнѣ оцѣнить, какъ его высокое умственное развитіе, такъ и необыкновенное благородство души, дѣйствовавшее обаятельно на всѣхъ его знакомыхъ и окружающихъ. Преосвященный Хрисанѳъ былъ просвѣщенный богословъ въ самомъ истинномъ смыслѣ этого слова и, повидимому, созданъ былъ для большой роли въ церкви и для широкаго вліянія на общество. Но судьба, такъ неумолимо преслѣдующая лучшія наши умственныя силы, распорядилась иначе. Она подкосила его дѣятельность въ самомъ началѣ ея широкаго развитія, а,

наконецъ, и совсѣмъ убрала его изъ этой жизни, бывшей для покойнаго столь непродолжительною. Во всякомъ случаѣ, въ лицѣ преосвященнаго Хрисанѳа не одинъ духовный міръ, но и все русское общество хоронитъ большую, преждевременно угасшую силу и благороднѣйшаго изъ своихъ членовъ.

(«Новости»).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Высокопреосвященнѣйшій Димитрій, Архіепископъ Херсонскій и Одесскій скончался въ 10 часовъ утра 14 сего Ноября. Пастыри Волынской Епархіи да вознесутъ теплыя молитвы объ упокоеніи души новопреставленнаго Владыки.

№ 32 Вол. Еп. Вѣд. сданъ на почту 12-го Ноября 1883 г.

Редакторъ *П. Бѣляевъ.*

Дозволено цензурою. Кременецъ. 12 Ноября 1883 года.

Печатается въ Типографіи Почаевской Лавры.